

УДК 323.325(470.314) “19”

Зозуля О.А.

(г. Москва)

ОФЕНИ КАК КУСТАРНО-ПРОМЫСЛОВЫЙ
ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНИ
XIX В.

Аннотация. В статье анализируется история появления и развития оригинального внеземледельческого крестьянского промысла офеней, прослеживается его генетическая связь с традиционными промыслами Владимирской губернии и современным сетевым маркетингом, определяется отечественная специфика промысла крестьян-ходебщиков. Автор выявляет основные тенденции трансформации промысла и показывает причины сокращения его функционального пространства в условиях разворачивающейся в России индустриализации во второй половине XIX столетия.

Ключевые слова: кустарные промыслы, офени, неземледельческие занятия крестьянства, Владимирская губерния.

O. Zozulya

(Moscow)

HUCKSTERS AS AN ARTISANAL CRAFT PHENOMENON OF THE
19TH-CENTURY VILLAGE IN RUSSIAN NON-CHERNOZEM REGION

Abstract. The article deals with the history of emergence and development of the original non-agricultural peasant craft of hucksters. The author tracks its genetic relationship with traditional crafts of Vladimir province and modern network marketing, defines the Russian specifics of hodebshchik (walkers)- peasants' craft, reveals the major trends of transformation of the craft and the reasons for the decline of its functional space in the unfolding industrialization in Russia in the second half of the 19th century.

Key words: handicrafts, hucksters, non-agricultural activities of peasantry, Vladimir province.

Кустарно-промысловый сектор крестьянского хозяйства Нечерноземного региона Центральной России стал предметом научного изучения историков, экономистов и этнографов с середины XIX в. Выявляя хозяйственные мотивы, побуждающие сельское население активно заниматься побочными по отношению к аграрным заняти-

ям промыслами, исследователи обращали внимание на следующие факторы. Это – неблагоприятные для ведения земледелия природно-географические условия, скудость почв, избыток времени в межсезонье сельскохозяйственных работ, недостаточная обеспеченность основными средствами производства – землей, рабочим скотом и т.д. [9; 14; 18].

В последних работах, посвященных изучению развития крестьянских промыслов в отдельных губерниях данного региона, отмечается, что «... даже опуская региональные особенности, определившие целый спектр факторов, опосредовавших промышленные занятия крестьян, основания, способствующие таковым в отдельно взятом регионе Нечерноземья... не сводились исключительно к неблагоприятным условиям для ведения сельского хозяйства» [12, с. 27]. Следует отметить также, что причины, обусловившие появление ряда нетрадиционных промыслов в Московском промышленном регионе, часто стоит искать, не фиксируя внимание на климатической и почвенной детерминантах, а изучая исторические условия их возникновения.

Одним из примеров, подтверждающих данное положение, является обращение к исследованию такого оригинального явления Владимирской губернии, как промысел офеней, который в течение XIX в. с успехом решал проблему снабжения малоприбыльным, но значимым для крестьянина товаром, далеко за пределами локальных рынков.

Феномен офенского промысла нашел отражение в ряде работ и статей второй половины XIX в. Важный вывод относительно формирования районов торгово-посреднической деятельности (офеней) был сделан известным дореволюционным статистиком С. Харизоменовым. Он отмечал, что ранняя специализация товарного производства в России, вызванная территориальной спецификой, различиями в природных условиях и сырьевой базе, дальностью расстояний, слабым развитием городов в качестве торгово-ремесленных центров, приводила к «нужде в огромной массе торговцев-посредников» и объясняла появление целых местностей концентрации людей, занимающихся преимущественно торговлей [22, с. 440–441].

Статистические данные, отражающие фактическое состояние офенского промысла в первой половине XIX в., были опубликованы в наиболее полном справочном статистико-географическом издании «Списки населенных мест Российской империи» [19], увидевшем свет в эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы. Трансформацию офенской торговли в условиях складывания новых маркетинговых

тенденций в период форсированного развития транспортных коммуникаций в конце XIX в. отражают материалы подворной переписи 1898 г., собранные и обработанные местными статистиками [15].

На современном этапе изучения истории кустарных промыслов ряд авторов обращался к теме офенства в основном в связи с развитием иконописания, не включая данное явление в общую картину модернизационной российской парадигмы второй половины XIX–XX вв. [11, с. 20]. Более того, большинство авторов приходит к выводу, что XX в. завершил историю промысла, однако и сегодня можно услышать в пригородных электропоездах плутоватых торговцев, громко и подробно рекламирующих предлагаемый мелкий бытовой и книжный товар, что невольно актуализирует проблему давнего традиционного промысла владимирского крестьянства, уходящего корнями в далекое прошлое русского народа.

Развитие офенского промысла тесно связано с хозяйственной историей Владимирской губернии, которую экономисты и статистики XIX в. определяли как земледельческо-промышленный регион. Здесь сложились крупные центры ткачества, был распространен шубно-овчинный промысел, здесь жили каменотесы, строители-каменщики и плотники, издавна хорошо известные в Москве и других городах. Более 2000 человек из сел Владимирского уезда ежегодно уходили на лето в Ярославскую, Тверскую и Московскую губернии пастухами, превратив пастушество в доходный промысел мужского населения. Издавна вокруг г. Шуи, известного своим льноткачеством, сложился регион поселения разносчиков мелкого товара – офеней. Постепенно район г. Шуи стал превращаться в наиболее развитую фабричную область, которую современники называли «Русским Манчестером». Мануфактурная промышленность в г. Шуе и уезде стала развиваться с конца XVII в., а в XIX в. центральное положение Шуйского мануфактурного округа заняло с. Иваново и несколько близлежащих слобод. Слободы возникли тогда, когда владелец села граф Шереметев разрешил проживавшим здесь иногородним купцам и мещанам владеть домами и фабриками при условии постоянного проживания на территории графских владений. Тем же, кто оставлял уезд, предлагалось продать построенные здания местным жителям, в противном случае строения переходили в собственность владельца села. Ивановские капиталисты, противясь шантажу Шереметева, стали выкупать участки земли под постройку в полную собственность у других помещиков рядом с с. Иваново и при необходимости распродавать с выгодой для себя другим предпринимателям. В слободках возникали фабрики

и заводы, развивалась торговля, и постепенно пришло осознание необходимости юридического оформления своего положения. В 1853 г. купцы и промышленники добились устройства из слобод отдельного посада Иваново для «удобства в общественном полицейском и судебном управлении» [19, XXX].

Исторически ткацкое производство в регионе выросло здесь из крестьянского ткачества льняного полотна, поэтому на начальном этапе периода промышленной революции сюда устремился капитал, создавая бумаготкацкие производства и раздавая хлопчатобумажную пряжу для работы крестьянам окрестных деревень. Со временем бумаготкачество выместило тканье полотна и определилось как самый важный промысел губернии, а регион его распространения получил у экономистов название Шуйского мануфактурного округа.

Так фабрики Шуйского уезда стали системообразующим фактором, который определил лицо региона, ускорил потерю крестьянами экономической самостоятельности и переход значительной части сельских жителей в новое состояние наемного на постоянной основе работника. Некоторые крестьянские промыслы, которые раньше процветали в уезде, были заброшены или изменили свое географическое положение. Переместилось в Ковровский уезд и Алексинскую казенную волость занятие офенской торговлей, когда в г. Шуе и в его уезде стала развиваться мануфактурная промышленность «и с постепенным расширением круга ее операций офенская торговля между жителями Шуйского уезда выгодно заменилась работами на фабриках и заводах» [21, с. 23].

Между тем полоса весьма оригинального промыслового занятия владимирских крестьян – «странствователей-торговцев», хорошо известных во многих уездах России под названием офеней или коробейников, сложилась вокруг мануфактурного округа г. Шуи еще в доимперский период отечественной истории. Со своими подвижными лавочками, наполненными мелочным товаром, особым загадочным языком, состоявшим из набора непонятных для крестьянина слов, они представляли замечательное явление российской истории и, начиная с середины XVI в., упоминались в качестве промыслового занятия жителей г. Шуи.

По преданию, офени вели свое название от афинских торговцев, которых было много в XV в. на Руси. Особый язык офеней выступал своего рода культурным кодом, определявшим своеобразие данной социальной группы и ее обособленное положение среди владимирских крестьян. Офени считали, что своими корнями их язык уходил в Гре-

цию, но, как отмечали исследователи, скорее всего, он был изобретен плутоватыми офенями для удобства передачи торговой и иной информации или, как считали некоторые исследователи XIX в., «... с целью удобнее надуть покупателей». Встречались и иные объяснения происхождения феномена офеней, нашедшие отражение в печати.

Здесь представляется уместным привести достаточно подробную выдержку работы знатока владимирской старины и собирателя словаря офеней К.Н. Тихонравова, который представил во «Владимирском сборнике» несколько точек зрения по вопросу этимологии понятия: «Откуда произошло самое название офеней? К объяснению этого вопроса служат некоторым образом три предания или толкования, существующие у самих офеней. Офени говорят, во-первых, что где их случится двое или трое, они называют себя Мясыками, а Мясыки-де был народ, кочевавший по Волге (Ясы или Ясыки – пояснение К.Н. Тихонравова), от которого они будто заимствовали свое название и язык свой. Другое предание говорит, что торговцы – венгры из города Офена впервые стали называть себя офенами, а потом это название перешло уже к местным ходябщикам. По третьему преданию, название офеней производится от того, что греки, начав вести в значительных размерах торговлю с Русью, явились сюда в виде переселенцев из Афин, а потому назывались афенами или, по здешнему местному произношению, офенями. И действительно, в XV столетии было большое переселение греков между прочим и к нам на Русь, и название афинян, или офеней могло перейти от них к здешним ходябщикам, имевшим с ними торговые сношения: это тем более вероятно, что и доныне в искусственном офенском языке много слов, взятых прямо с греческого» [21, с. 23]. Современный исследователь иконного дела в имперской России О.Ю. Тарасов, обращая внимание на тесную генетическую связь части офеней со старообрядчеством, отмечал: «Правила поведения, обычаи и арготический язык офеней-иконщиков – условие и следствие полуполициального распространения суздальских икон среди староверов... Без сомнения, основное назначение арготического языка офеней-иконщиков – засекречивание в процессе торговли старообрядческими образцами; эта торговля приравнивалась официальными властями к пропаганде раскола» [20, с. 207].

Известный знаток быта раскольников П.И. Мельников о языке офеней писал: «Это язык владимирских ходябщиков, которые ходят по России от Кяхты до Варшавы. Язык этот подобен языку петербургских мазуриков, приволжских прахов и т.п. – искусственный, слова придуманы» [16, с. 18].

Статистики определяли офенство как способ торговли, когда торгующий передвигается со своим товаром из одного селения в другое или пешком или на лошади; сбывая свой товар, офеня является посредником между производителями его и потребителями.

Большинство исследователей владимирской старины считали, что нарощение «бродячего промышленника» – офени появилось на почве сбыта икон. «Именно Владимирская губерния с ее обилием лиственных лесов (липа, дуб), наличием водных торговых путей (Ока, Клязьма, Теза и др.), сезонностью и неравномерностью крестьянского труда, а главное с религиозно-историческими особенностями формирования и становления Российского государства, дала возможность развития иконописных и сопутствующих ему промыслов на данной территории» [11, с. 104] – отмечал современный исследователь истории и теории прикладных промыслов В.П. Дубровский. Иконописание постепенно вышло за пределы монастырей, потеряло характер сакрального занятия, приобрело черты промысла и стало кормить крестьян Шуйского, а позже и Вязниковского уездов, благодаря расторопной деятельности торговцев-офеней. Ходебщики способствовали развитию промысла, и многие жители в трех крупных селениях полосы офеней – Мстера, Холуй и Палех Вязниковского уезда, занимались иконописью. Название «здешних иконников Суздальцами, а самой иконописи – Суздальской, указывает на то, – отмечалось в издании XIX в., – что в древности занятие это было распространено вообще по Суздальской области, что подтверждается и старинными актами» [19, с. XXXIII]. Исследователь шуйской старины купец В.А. Борисов попытался еще в середине XIX в. века найти исторические корни промысла. Собиравший древних актов обнаружил ряд документов XVII в. с упоминанием шуйских иконников, которые позволили ему сделать вывод, что, выйдя за пределы монастырей, иконопись стала распространяться как занятие крестьян в пригороде г. Суздаля – Шуе. Причем в челобитной 1676 г. говорилось, что некоторые из них «скудости ради своей бродят в мире, кормятся работой своею» [2, с. 74]. Во второй половине XVIII в. холуйские и палехские крестьяне переняли навыки иконописи от шуйских иконописцев. Шуйские старожилы связывали изменение границ иконописи с семьей Болотовых, которые научили палехцев данному занятию.

Качество холуйских икон и в XIX в. оценивалось невысоко, отчего иконников прозвали «суздальскими богомазами». Мастера обычно калькировали старинные иконы и потом переносили оттиск на деки и передавали ученикам для росписи. Этот род иконописи получил название «греческого» и был наиболее распространен. В то время как живо-

пись более современная, «фряжская», красками по масляному грунту составляла незначительную часть икон. В с. Холуй ежегодно писалось до 1,5 млн. икон, причем цены на греческие иконы опускались до 2 руб. за сотню. Основными покупателями холуйских ярмарок были офени, они скупали иконы и развозили их по всем краям России. Деки обычно были привозные, их в Пасху доставляли на холуйскую ярмарку крестьяне из-за Волги и продавали мастерам [15, с. 49].

Однако не только низкой стоимостью и доступностью доставки до покупателя икон из владимирских сел определялась их популярность, но и приверженностью, особенно палехских иконописцев, древним дониконовским канонам писания икон, что особенно привлекало старообрядчество, которое охотно приобретало товар офеней.

К.Н. Тихонравов считал, что две причины способствовали изменению местоположения промысла. Одна из них состояла в увеличении плотности населения этого региона, где в 4 селах и 50 деревнях, расположившихся на 10 квадратных верстах, было сконцентрировано 4200 душ [21, с. 23], которые прожить в регионе со скудной по плодородию почвой только за счет земледельческого заработка не могли. Вторая причина была связана с удачным положением поселений около с. Холуй, которое заняло место признанного центра ярмарочной торговли региона.

Село Холуй Вязниковского уезда находилось в 50 верстах от Вязников и в 42 от г. Шуи и состояло из 920 крестьян, 568 из которых принадлежали графине Бобринской, остальные 352 чел. были экономическими крестьянами [13, с. 11]. Жители этого селения резко отличались от крестьян-земледельцев. Оброков они не платили, хлебопашеством не занимались и, как писали в газете «Владимирские губернские ведомости», «Сборы с лавок и площади во время ярмарок обеспечивают их от всякого рода повинностей, занятие домов под квартиры приезжающими на ярмарку тоже дает им значительные доходы...» [4, с. 151].

Ярмарка в с. Холуй располагалась в хорошо устроенном гостинном дворе, и с начала XIX в. ее торговые обороты неизменно возрастали: годовой доход графини Бобринской только от ярмарки составлял 8 тыс. руб., а еще 2 тыс. руб. серебром от сборов с торговли ежегодно тратилось на «поддержку и поправку» гостинного двора. Кроме того, жители с. Холуй от найма домов, от овса, сена и обедов на постоянных дворах получали 6 тыс. руб. серебром ежегодно [13, с. 12].

В течение года в с. Холуй работало пять ярмарок, основными покупателями товаров, которые привозили на ярмарку (книги, картины, иконы, посуда), были офени. Они приобретали иконы местных

иконописцев, деревянную посуду, привезенную на продажу из Нижегородской и Костромской губерний, ситцы ивановских фабрик. Как не старались фабриканты перевести эти ярмарки в Шую, им это не удавалось: несмотря на утвержденные сроки, шуйские ярмарки оставались пустыми, в то время как холуйские, на которых можно было найти все роды товаров, необходимых для «ходобной» торговли, продолжали успешно работать.

Известный купец и этнограф Иван Лядов, описывая торговлю села, отмечал: «Холуй, едва ли не единственное место в России, куда привозится такое количество деревянной посуды, начиная с огромных чаш, в которых человек легко и безопасно может держаться на воде, до миллиона ложек и веретен. Посуда эта: чашки, скрывни, ставцы, блюда, тарелки и ложки, делается за Волгой, а оттуда Белою привозят в село Пурех и лежащие близь одного деревни, красятся и олифятся и отделанные отвозятся на ярмарки Холуя. Покупается она здесь тоже офенями; торговец офеня иногда один покупает до 20 возов и более, и отправляет ее для продажи более в южные и западные губернии, и к Петербургу ... Так же привозится на ярмарку значительное количество телег и повозок: ходобщик накупивши на ярмарке красного товару, покупает и новую повозку, и наклавши оную разными товарами доверху, отпускает с приказчиком для продажи; приказчик распродает товар, привозит ему вырученные деньги, в остатке товара отдает отчет и получает от хозяина условленную плату. Это называется счетом; таких счетов у хорошего офени бывает до 30 и более. Оставшийся товар почти весь из Холуя отправляется в Нижегородскую ярмарку» [5, с. 158].

Особенно значительна была торговля в период работы так называемой Тихвинской ярмарки, 26 июня, по двум причинам: «... во-первых, некоторые товары, идущие на Нижегородскую ярмарку, в это время предварительно привозят в Холуй; во вторых, к этому времени большая часть офеней возвращается домой на сенокос....Как значительна эта ярмарка видно по тому, что снимают 500 номеров лавок и привозится до 300 возов посуды, которая очень редко остается нераспроданной....Те, которые отправляются в далекие места, распродав забранные товары, покупают их на других ярмарках, как например, Ирбитской, Харьковской, Урюпинской и др. Большая часть оборотов производится в кредит на долгие сроки обыкновенно от ярмарки до ярмарки», – писали «Владимирские губернские ведомости» в 1854 г.

К середине XIX в. приблизительно 4/5 от общего числа офеней в 5000 человек проживало в регионе, центром которого считался г.Ковров, а полоса распространения офеней начиналась в с. Васильев-

ском Шуйского уезда и тянулась через села Верхний и Нижний Ландихи, г. Вязники, г. Ковров, с. Потакино до сел Лежнево и Тейково. Оборот офенской торговли составлял значительную сумму в 600 000 руб. [19, с. XXXII].

Вариативность товаров ходебщиков поражала своим разнообразием, однако основой ассортимента являлись бумажные изделия, ситцы, миткали, иконы, деревянная посуда, красный товар (дешевая бижутерия и галантерея), который покупали крестьяне, чтобы побаловать женщин, книги и разные картинки. Офени разделили Россию на несколько полос и снабжали самые отдаленные уголки России, от Карпат до Сибири, своим незамысловатым товаром, удовлетворяя непривередливый спрос крестьянского населения.

Перепись 1898 г. в Вязниковском уезде насчитывала 2017 чел., занятых офенством, в Мстерской волости их насчитывалось 715 чел., в Сарыевской – 352 чел., в Стаковской – 285 чел., а в других волостях – гораздо меньше. Всего 10,9 % всех промышленников мужского пола в уезде занималось офенской торговлей. Так как промысел принадлежал к числу тяжелых, то офени вербовались только из здоровой выносливой части населения: основной контингент состоял из мужчин в рабочем возрасте – 87%, подростки составляли только 8,3%, старики – 3,4 % [15, с. 42].

Офени способствовали развитию ряда промыслов и производств во Владимирской губернии: иконописи, книжного дела, скорняжного, производства телег и т.д.

Наряду с иконописью к середине XIX в. стало набирать силу картинное и книжное производство, которое также генетически было связано с районом слободы Мстеры и с деятельностью лубочных издателей И.А. Гольшева и И.Е. Мумрикова [23, стб.483]. Особенно интересна судьба первого из них, поскольку семья крепостного крестьянина графа Панина Гольшева считалась основателем книжной и картинной народной торговли в слободе Мстера.

Глава семьи – Алексей Кузьмич с детства был приучен к ремеслу иконописца, но выбившись и долгое время выполняя обязанности бургомистра, он управлял большой Мстерской вотчиной. Отойдя от должности, Гольшев сменил руководство на коммерцию и занялся книжной и картинной торговлей, чему в немалой степени способствовало то, что Мстера была одним из центров Владимирского офенства, где офени покупали оптом и в розницу пользующиеся популярностью книги и картинки, а потом развозили и разносили по окрестным местечкам и отдаленным окраинам России от Сибири до Кавказа.

В 1858 г. сын А.К. Гольшева – Иван Алексеевич Гольшев – после обучения рисованию в Строгановском училище открыл в губернии литографию для печатания народных лубочных картинок. В начале шестидесятых годов с именем Гольшева была связана прогрессивная инициатива по выпуску для расширяющейся сети сельских приходских училищ полезной для обучения литературы, продаваемой по «умеренным» ценам, что было отмечено неоднократно в официальных отчетах и отзывах частных лиц. Академик и либеральный экономист В.П. Безобразов еще в 1861 г. в путевых записках считал необходимым отметить: «Г. Гольшев мучим теми стремлениями к усовершенствованию дела, к нововведениям к новым путям, которые так редко встречаются в наших практических людях. Имя его пользуется всеобщим уважением в крае, доказывающим добросовестность в ведении дел. При содействии людей, посвятивших себя великому делу народного образования, такой человек в самом сердце народной жизни может сделаться одним из полезнейших его деятелей» [1, с. 297].

Училища, расположенные в окрестностях слободы, могли не только приобретать книги у Гольшева, но и пользоваться кредитом, получать спонсорскую помощь учебниками и книгами. В Холуйскую и Мстерскую иконописные школы были направлены в виде пожертвований более 200 оригиналов рисунков и рисовальных пособий, при них открыта публичная библиотека, преобразованная в 1871 г. в общественную, устроенную при Мстерском Богоявленском храме.

Общественная деятельность Ивана Александровича носила многообразный характер, например, он ходатайствовал об увеличении содержания учителям земских школ, добился увеличения ассигнований, отпускаемых на уездное образование, благодаря его стараниям средняя зарплата сельских учителей поднялась с 180 до 250 руб. [17, с. 82].

Офени, снаряжаясь в долгое и длительное путешествие, своими заказами расширяли функциональное пространство и двух других промыслов владимирских кустарей. Один из них – тележный, именно для офеней делались особого рода телеги, второй – сапожный. По заведенному издавна обычаю хозяин, отправляя приказчиков в путь с товарами, давал каждому из них по паре сапог особого покроя, с длинными голенищами вроде охотничьих. По возвращении домой, после расчета с хозяином, каждый из них получал еще по паре подобных же сапог. Чеботарным производством в ковровском селе Лежневе, вотчине князя В.В. Долгорукого, и еще в двух деревнях были заняты до 250 человек, которыми, как описали «Владимирские губернские ведомости», «... в течении года приготавлилось сапогов, башмаков, и частию рукавиц до

50 000 пар; цена сапогов от 1, 5 до 2 руб. серебром, а башмаки продаются от 25 до 30 копеек за пару – всего выйдет на сумму до 75 000 руб. серебром. Продажа производится более на холуйских ярмарках офеням, которые всегда отправляясь в ходьбу, берут новые сапоги» [8, с. 379].

Исследователи делили офеней на несколько групп по горизонтали в зависимости от ассортимента предлагаемых изделий или по территории, на которой они продавали свой товар: «Офени, которые ездят и ходят с образами, составляют низший разряд ходебщиков и большей частью носят название коробочников. К тому же разряду, кажется, следует причислить торговцев деревянной посудой: чашками, ложками и т.д. Второй разряд состоит из офеней, разъезжающих с бакалейными товарами: сахаром, чаем, черносливом, сарачинским пшеном, разными пряностями. Наконец высший разряд разносчиков с красными товарами (бижутерией), приезда которых с таким нетерпением ожидают деревенские барыни и барышни. Все эти роды офеней можно встретить во всех частях Вязниковского и Ковровского уездов; но есть и другое разделение: одни места этих уездов, преимущественно торгуют в Сибири и в приуральских губерниях, другие в западных губерниях и в Польше, третьи – в земле донских казаков, на Кавказе и за Кавказом, четвертые в Новороссийском крае, в Молдавии и Валахии» [6, с. 230–231].

Вертикальная стратификация офеней показывает, как шла капитализация одного из многочисленных во Владимирской губернии промыслов. По наличию капитала офени делились на хозяев и работников. Первые закупали товар на Нижегородской и Холуйской ярмарках и сами с незначительной частью ездили торговать, а большую часть товара отдавали в долг работникам, записывая им в счет двойную стоимость товара. Вторые, крестьяне-ходебщики, ездили и ходили из провинции в провинцию, из деревни в деревню, от помещика к помещику. Торговые обороты они вели без записи, на память – без всяких формальностей. «Хозяин-торговец, набрав товара в кредит, и работник, получивший товар для распродажи, безо всякого обеспечения ничем не рискуют. Совестьливый из них и при удаче, возвращаясь, расплачивается за взятый товар, в противном случае, ищет доверия у других. Купечество, в предупреждение убытков, отдавая в кредит товар большей частью позалежалый, полагает тройную цену, так что, получая за него половину, ничего не теряет. При таких сделках нравственная сторона выигрывает немного, и если нередко случается, что крестьяне, ведущие торговлю, наживают большие деньги, то вред, вносимый ими в дома свои и среду местного народонаселения, едва ли не превышает получаемых выгод. Самый заботливый о деле крестьянин-торговец, возвращается на ро-

дину через год, а многие не бывают дома два, три и более лет. Такие отлучники при бродяжей жизни отчуждают крестьянина от семейства, домашних занятий и приучают его к роскоши – он начинает пить не только чай, но и кофе, надевает вместо кафтана кашемировый халат и перестает быть крестьянином, кичится своими привычками и называет крестьянина-земледелца необразованным. Пример заразителен и упадок местного земледелия есть явное тому доказательство» [7, с. 291] – писал известный краевед И. Лядов.

Капитализация офенского промысла уже в середине XIX в. стала ощутимым явлением, и среди жителей Владимирской губернии офени выделялись как самый зажиточный слой сельского населения, о чем свидетельствовал опосредованно тот факт, что в двух местностях полосы офеней с. Мстера и Груздевском в сельском обществе в период распространения крепостной зависимости крестьян «существовала подходящая раскладка оброка, производимая выборными от крестьян» [19, с. 39].

Разбогатевшие офени, еще долго остававшиеся крестьянами, продолжали, хотя и имели у себя на службе по десятку и более приказчиков, сами заниматься промыслом, сохраняли связь с крестьянской средой. Кроме того, они интуитивно хорошо понимали роль объединения и кооперации и значительную часть товара реализовывали «в складчину»: четыре-пять хозяев, объединяясь, поручали сбыт продукции или на ярмарках или оптовикам, доставляя его гужевыми обозами [7, с. 291].

И еще на одну особенность сложившейся структуры промысла обращали внимание знатоки провинциальной действительности XIX в.: несмотря на «зависимое отношение приказчиков к капиталистам» здесь, как по самому существу промысла, не оформилась та невыгодная экономическая зависимость, которая определяла отношения между фабричными работниками и фабрикантами. Мальчик с 12 лет поступает к хозяину на первое время без всякой оплаты; но по принятому обыкновению, хозяин в первый же год присылает родителям на уплату податей несколько рублей серебром. С 15 лет назначалась определенная плата в 15 или 20 руб. серебром, которая, постепенно возрастая, доходила для некоторых приказчиков до 200 руб. серебром. Справедливое понижение жалованья обычно вызывалось объективными обстоятельствами, когда, например, после трезвого поведения, приказчик начинал пить. И что кажется нам сейчас необычным, исследователи отмечали, что, как правило, «со стороны приказчиков не слышно жалоб на хозяев, тогда как последние весьма часто терпят убытки от нерадения и обманов своих приказчиков» [6, с. 231].

Офени выделялись среди владимирского населения грамотностью и зажиточностью. К 20-м гг. XIX в. наступил пик развития промысла, и его дальнейшая капитализация часто выглядела следующим образом: офени, поднакопив капитал, продолжая заниматься разъездной торговлей, старались открыть стационарные торговые лавки в сибирских городах или населенных пунктах степных губерний и оседали там. Многие разбогатевшие офени-крестьяне стали записываться в купечество в сибирских городах, где и оставались на постоянное жительство и положили начало крупнейшим купеческим фамилиям Сибири.

Промысел офеней в источниках XIX в. исследователи относили к младенческому периоду коммерции в России и по мере развития торговли, появления шоссейных, а особенно железнодорожных, коммуникаций промысел «ходешчиков», его функциональное пространство стало сокращаться, уступая место организованной купеческой торговле. Стеснительные правила о разносной книжной торговле 1865 г., а также быстрое учреждение в каждом городе книжных лавок, деятельность земств, притеснения администрации стали дополнительными факторами ограничения деятельности офеней, промысел которых приходил в конце XIX в. все более и более упадок.

Действие закона о печати 1865 г. усугублялось особыми правилами от министерства внутренних дел, дополненными приложением конфиденциального характера, где было сказано, что заводить типографии могут только люди благонадежные, и только в местностях, где есть достаточные средства для полицейского надзора, то есть в губернских и, отчасти, уездных городах, но «отнюдь не в селениях». Потребовалось вмешательство весьма высокопоставленных людей, таких, как известный чиновник и исследователь В.П. Безобразов, статистик П.П. Семенов, и наконец, начальник главного управления по делам печати В.Я. Фукс, чтобы владимирский губернатор согласился разрешить продолжить издание литографий А.И. Гольшеву [10, с. 699]. Ходатайство Вязниковского уездного земского собрания (1876 г.) также не встретило сочувствия в министерстве внутренних дел. Между тем офени, обычно отправляющиеся в путь торговать без установленного свидетельства, подвергались зачастую придирчивому преследованию местных полицейских властей. Учреждение института урядников еще более ухудшило положение офеней.

«Прежде офени торговали свободно, теперь же их обязали особыми свидетельствами от уездных исправников, а предварительно сего, они обязаны были представить удостоверение и неподсудности и благонадежности от волостных правлений. Через это самое офени попали

в такое положение, что их сначала обирали за написание прошений и выдачу удостоверения в волостных правлениях, а потом у уездных исправников... Свидетельства выдавались только на свой уезд и всего на один год, но были лица, которые выдавали и на более короткие сроки, просто как им вздумается. Например, Юрьевский уездный исправник выдал одному крестьянину свидетельство всего на 3 дня. Между тем в законе не упомянуто о сроке, и потому свидетельство могли бы быть бессрочными. Постановление это вызвало новые источники доходов на счет расходов офеней... » [10, с. 702]. Между тем ходебщики, «как перелетные птицы», не ограничивали свои перемещения территорией одного уезда или губернии, а вели свою торговлю на огромных расстояниях – от Сибири и Дальнего Востока до Румынии, Болгарии и Сербии, и запастись свидетельствами в каждом новом уезде им было практически невозможно. Новые формальности еще больше ограничили сферу деятельности офеней. «Горе было тому торговцу офене, – писал А.И. Гольшев, – который по старой привычке отправлялся торговать без свидетельства; таких преследовали становые, старшины, старосты, сотские десятские, с учреждением института урядников, последние преследовали еще усерднее и рьянее. Либо им приходилось откупаться, либо прощаться с товаром» [10, с. 703].

Получение разрешения на торговлю книгами коррелировалось с уровнем грамотности крестьян, и уровень грамотности среди офеней традиционно сохранялся высоким. Самый процесс торговли, обороты ее и т. п. требуют... от промышленника знания хотя бы школьной грамоты. «Неграмотному плохо, – замечали сами офени, – ему не дадут разрешения на торговлю книгами и картинами». Нет ничего удивительного в том, что офени занимали первое место среди промышленников уезда по грамотности – 78,4 %, а их грамотность превышала среднеуездные показатели среди мужского населения на 15,6% [15, с. 43]. В конце XIX в. офени с книжными коробами столкнулись с конкуренцией земских книжных складов, которые имели возможность и книги продавать дешевле, и ассортимент предлагать более качественный и продуманный, что сократило промысел.

Наступление новой эпохи выдерживали далеко не все представители традиционного владимирского промысла, однако наиболее предприимчивые и смекалистые крестьяне смогли приспособиться к объективно меняющимся внешним условиям и вкусам потребителей. Когда появилась мода на старинные иконы, офени освоили антикварное направление торговли. Появляется новый вид промысла – «заказчики», работа под заказ или транспортировка икон для обновления и рестав-

рации по заказам потребителей. Например, офени из Станковской волости в течение зимы обходили свои промысловые районы, собирали на салазки старые иконы, отданные им для реставрации или переписываемая. Собранные иконы складировались в нанятых квартирах (по 5 копеек в сутки с человека), а по мере накопления отправлялись лошадьми или по железной дороге в иконописные центры – Мстеру или Холуй, где несколько мастеров занималось исполнением работ по заказам офеней. Офени собирали не только старые иконы для обновления, но и принимали заказы на новые «именные» или модные иконы [15, с. 47].

С развитием промышленности, торговли и путей сообщения, когда «непроходимые» дороги сменились «чугункой», чуткий к потребностям своих покупателей офеня ввел в свой короб помимо икон и другие товары, например, скобяные, галантерейные и мануфактурные, клеенку, книги, картины, стараясь дольше продержаться на завоеванном им целыми веками рынке. Офени изменили способы доставки товара до покупателя и с распространением железнодорожного транспорта ходешники стали отправлять основную часть товара по железной дороге.

«Чугунка» принесла офеням новые неприятности. Товар можно было отправить большими партиями, но доставка нового товара значительно обгоняла скорость оборота икон на рынке, что вынуждало офеней либо спускать товар по низким ценам «лишь бы денег на выкуп новой партии достать», либо брать тяжелые для торгового бюджета займы. Железные дороги увеличили и число торговцев, и создали конкуренцию с местными торговцами, которые получили возможность непосредственно закупать иконы в местах их производств в Мстере и Холуе [15, с. 49]. Все это вынуждало более зажиточных торговцев переходить от торговли иконами и книгами к продаже готового платья, мануфактуры, церковных предметов или переселяться в Сибирь, перенося с собой навыки посреднической торговли в новые районы страны.

Говоря о причинах распространения офенской торговли, стоит еще раз остановиться на замечании известного издателя, владельца литографии, художника и археолога А.И. Голышева, который писал об офенях следующее: «Торговлю они ведут с той патриархальной простотой, которая ныне так редко встречается. Русскому мужику вольготно принять у себя дома, не слезая с печи, офеню, в лице которого он встречает своего же собрата-товарища; по своему вкусу он выберет книжку, азбуку, картинку; если в семье нет денег, офеня выведет его из затруднения; товар свой он поменяет на лен, холст, хлеб в зерне или в муке, на овес и вообще на что угодно подходящее для него, и оба останутся довольны» [10, с. 706]. Фактически, являясь формой внемагазинной розничной

торговли, проявляясь в виде прямых персональных продаж, основанных на личных связях и учете запросов покупателей, чаще всего происходящая в крестьянской избе, торговля офеней как бы предвосхищала появившийся на Западе в XX в. сетевой маркетинг.

По наблюдениям основателя глобального подхода к истории, французского академика Ф. Броделя, тип торговца-разносчика всегда распространяется там, где в рыночной экономике наблюдались «пустые промежутки в обычной сети распределения» [3, с. 60], то есть отсутствуют развитые механизмы торговли, и Россия с ее необъятными и слабо освоенными крупным торговым капиталом пространствами еще долгое время сохраняла условия функционирования мелкого торговца, который вместе с кустарем создавал своеобразный ландшафт российской модернизационной парадигмы.

Литература:

1. *Безобразов В.П.* Из путевых заметок // Русский вестник. – 1861. – Т. 34. – № 7 – С. 265–308.
2. *Борисов В.А.* Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов. – М.: Тип. ведом. Моск. полиции, 1851. – 463 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII. Т. 2. – Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. – 630 с.
4. Владимирские губернские ведомости. – 1854. № 20
5. Владимирские губернские ведомости. – 1854. № 21.
6. Владимирские губернские ведомости. – 1854. № 30
7. Владимирские губернские ведомости. – 1855. № 37
8. Владимирские губернские ведомости. – 1855. №51.
9. *Воронцов В.П.* Очерки кустарной промышленности в России. – СПб: тип. Киришбаума, 1886. – 233 с.
10. *Гольцше И.А.* Картинное и книжное народное производство и торговля // Русская старина. – 1886. – Т. 49. – № 3. – С. 679–726.
11. *Дубровский П.С., Дубровский С.П.* Офени-иконщики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. – Ковров: Маштекс, 2008. – С. 104–109.
12. *Егоров В.Г.* Кустарные промыслы нечерноземной деревни второй половины XIX–начала XX вв. – М.: Ин-т стран СНГ, 2011. – 448 с.
13. Журнал Министерства внутренних дел. 1854. Ч. VI.
14. *Корсак А.К.* О формировании промышленности вообще и о значении домашнего производства (кустарной и домашней промышленности) в Западной Европе и России. М.: тип. Грачев и К., 1861. – 310 с.
15. Материалы для изучения земель Владимирской губернии. Вязниковский уезд. Владимир. Т. IV. Вып. 3. – Владимир: тип. губ. земск. упр., 1903. – 172 с.
16. *Мельников П.И.* Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. Т. 5. – С. 5–42.

17. Памятная книжка Владимирской губернии на 1895 г. Владимир на Клязьме: изд. губ. стат. ком., 1895. – 828 с.

18. *Рыбников А.А.* Кустарная промышленность и сбыт кустарных изделий. – М., тип. П.П. Рябушинского, 1913. – 242с.

19. Списки населенных мест Российской империи. VI. Владимирская губерния. – СПб: тип. МВД, 1859. – 283 с.

20. *Тарасов О.Ю.* Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. – М.: Прогресс, 1995. – 496 с.

21. *Тихомиров К.Н.* Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. – М.: тип. универ-а, 1857. – 203 с.

22. *Харизоменов С.А.* Значение кустарной промышленности // Юридический вестник. – 1883. – № 11. – С. 414–441.

23. Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. Т. 22,а. – СПб: тип. И.А. Эфрона, 1897. – 962 стб.